

МЕТОДОЛОГИЯ МЫШЛЕНИЯ

Черновик

Андрей Курпатов

Игры разума

Андрей Курпатов

**Методология
мышления. Черновик**

«Курпатов А.В.»

2016

Курпатов А. В.

Методология мышления. Черновик / А. В. Курпатов —
«Курпатов А.В.», 2016 — (Игры разума)

ISBN 978-5-9907585-5-1

Пожалуй, лучшее, что мы можем – это мыслить мышление. Лучшее – хотя бы потому, что ничего другого мы помыслить просто не можем, а все, что мы мыслим, уже и всегда – есть наше мышление. Данная книга призвана сообщить об очень простых вещах, по существу – об азах мышления. Но, к сожалению, именно это и представляется главной проблемой, поскольку мало чем отличается от безрассудной попытки заглянуть под капот несущейся по автобану машины.

ISBN 978-5-9907585-5-1

© Курпатов А. В., 2016

© Курпатов А.В., 2016

Содержание

Анатолий Алёхин	6
Предварительные замечания	11
Вводные соображения	13
«Истина» и «психика»	14
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Андрей Курпатов

Методология мышления. Черновик

© Курпатов А.В., 2016

© Издательство Трактаг, 2016

* * *

Анатолий Алёхин

На пути к методологии мышления

[предисловие]

Вот, кажется, и сбылась вековая мечта человечества. Заветы пророков и классиков марксизма-ленинизма стали явью. На земле, хоть и не в обещанном формате, воцарился рай. Людям, по крайней мере в развитых странах, нет больше нужды «в поте лица хлеб добывать», «плодиться» и «в муках рожать». «От каждого по способностям и каждому по потребностям» – уже почти реальность. Трудами прежних поколений, неистовой работой их гениальных представителей созданы условия для сытного и вполне безопасного существования ныне живущих людей. И вот создаётся видимость, что разум, пестуемый веками, становится как бы и не нужен. Новая техника и технологии быстрее, а зачастую и качественнее решают за людей множество больших и малых повседневных задач, над которыми не так давно трудились целые человеческие сообщества. Трудно себе представить, что ещё в середине прошлого века, то есть на нашей памяти, сотни тысяч специально обученных людей, вооружившись карандашами, логарифмическими линейками, арифмометрами, чертили, рассчитывали, писали, а потом перепечатывали на пишущих машинках то, что потом становилось космическими кораблями и подводными лодками, величественными мостами и небоскрёбами, искусственными морями и горами. Незаметно для себя мы начинаем забывать и не задумываемся о том, что всё, что окружает нас, от простой стиральной машины до сложнейшего диагностического комплекса в больнице, – всё это результат озадаченности, долгих размышлений наших близких ещё предков, их мечтаний, фантазий, поиска, раздумий. Мы можем запросто «спросить у Google» и получить ответ на любой каверзный вопрос, не вдумываясь в то, что «Google» лишь быстро пересказывает, да и то не всегда верно, то, о чём много думали и придумали другие люди.

Однако, как и следовало ожидать, благоденствие не бывает безоблачным. Космические корабли, оказалось, падают на землю, подводные лодки тонут, атомные реакторы взрываются, мир сотрясают природные и техногенные катастрофы. Много удивительного, не предсказанного ни пророками, ни классиками происходит и с самим человеком, и с человечеством. Террористические атаки, вооружённые конфликты, вспыхивающие тут и там, становятся обыденными. Наркомания и алкоголизм, суицидальная активность молодёжи, массовые убийства с «философским» обоснованием, пилоты-само убийцы стали короткоживущими информационными поводами, привлечением внимания к рекламе очередных «достижений» цивилизации. Человеку будто бы стало скучно в этом искусственном райке, ему больше нечего делать и нечего хотеть, не на что надеяться и не во что верить. Мир застыл в напряжённой усталости, и человек обречённо ожидает своей участи, не пытаясь и не смея уже ни понять, ни представить себе, что «на самом деле» происходит в этом огромном нагромождении событий. Кажется, что человеческий разум перестал озадачиваться пониманием происходящего, и, перестав понимать, отмахнулся от самой возможности понимания. В ходу снова обряды, мольбы и астрологические предсказания. Да, конечно, вещают по привычке эксперты и аналитики, консультанты по всем вопросам, они заверяют, что оперируют строго научными данными. Но отчего-то суждения их всё чаще банальны, прогнозы наивны и не сбываются. Сложенная заботливыми умами прежних поколений конструкция мира меняется на глазах, мир предстаёт перед растерянным человеком пёстрым нагромождением случайных вещей и событий. И сам человек обречённо согласен сменить почётную роль «венца творения», созданного «по образу и подобию», на роль скромнее, роль «крупного примата». Что же происходит? Или настойчиво анонсировавшийся «конец истории» настиг-таки нас?

Вряд ли мы найдём надёжные объяснения происходящему, даже используя всю мощь искусственного интеллекта. То есть, конечно, мы всё объясним и всему укажем причины, но только такие объяснения всё меньше помогают нам ориентироваться в потоке перемен, которые наступают почему-то и не так, и не тогда, и не потому что. И непонятно уже, что стало причиной нарастающего Хаоса и чем занят Логос? Что с ним не так? В конце концов, именно понимание действительности приводит в движение человеческие массы. Может быть, в самих механизмах мыслительной деятельности человека «разумного», принимающего решения, и кроются те ошибки, которые снова и снова принуждают его сталкиваться с непредсказуемым, пугающим и непонятным.

Для такой постановки вопроса есть хоть и косвенные, но вполне «объективные» предпосылки. Социологи фиксируют возрастающий разрыв между «умными» и «глупыми» и снижение престижа образования. Педагоги вновь открывают «системные ошибки» в школьном обучении, порождающем массы малограмотных студентов, подрастающих в соответствующих специалистах уже в стенах университетов. Психологи всё чаще сталкиваются с такими состояниями психического развития молодых людей, которые по всем своим признакам напоминают умственную отсталость с той лишь разницей, что формальные предпосылки интеллекта сохранены. Но при скудном содержании ума эти предпосылки никак себя не проявляют, кроме как в специальных экспериментах. Да и поведение становится всё более причудливым, таким, которое в прежние времена называли, по меньшей мере, девиантным.

Множество фактических данных заставляет нас задуматься о какой-то тотальной дисфункции психики современного человека, дисфункции, порождающей возможность для таких деяний, которые не могут не вызывать тревогу и озабоченность.

Говоря о дисфункции, стоит прежде подумать о функции, которая до поры до времени надёжно обеспечивала прогресс человека в новейшей истории и сбои которой оборачиваются таким же настойчивым откатом к простоте. Традиционно эта функция именуется мышлением. Мышление человека и есть та самая функция, которая позволила «крупному примату» достичь статуса «венца творения» и нарушения которой возвращают его на обратный путь.

Но что такое мышление? О мышлении говорят философы и психологи, зоологи и нейрофизиологи, искусствоведы и культурологи, даже компьютерщики и те говорят о мышлении, когда хотят сказать о процессе постановки и решения задач. Решение задач «в уме» в нашем благоустроенном и технологизированном мире – основное занятие современного человека. Вопрос, следовательно, можно поставить и так: видим ли мы задачи, думаем ли над ними, ищем ли адекватные условия их решения или, как об этом убедительно пишет Д. Каннеман, используем привычные подмены непонятного понятным, неизвестного известным, автоматически действуем, полагая при этом, что принимаем «продуманные» решения? А потом, не достигнув желаемого, не справившись с задачей, сетуем на «объективные» и «субъективные» обстоятельства и снова и снова движемся проторенными путями, запутываемся всё больше в клубке тягостных проблем, нами же и создаваемых?

Справедливости ради стоит напомнить, что похожие вопросы зазвучали гораздо раньше. Проблема обоснования знания, критериев его «истинности» настойчиво поднималась в истории философии и науки. В прошлых веках люди всерьёз задумались не только над устройством мироздания, но и над самой возможностью его познания. Со временем это направление интеллектуальных изысканий даже оформилось в самостоятельное направление интеллектуальной деятельности – «философию науки», «методологию». И на этом направлении было достигнуто немало, достаточно обратиться к трудам Т. Куна, П. Фейерабенда, Р. Рорти, И. Лакатоса. В России методология прочно ассоциирована с именами таких мыслителей, как А. Зиновьев, Г. Щедровицкий, Б. Грушин, Б. Кузнецов и др. Эти исследователи искали и находили дефекты в научных объяснениях, обнаруживая неизбежные в процессе их получения ошибки и допущения, которые заставляли усомниться в достоверности получаемых наукой выводов.

Однако, твёрдо придерживаясь традиционных и понятных противопоставлений: «сознание» и «мир», «человек» и его «познание», – дальше критики оснований продвинуться невозможно, но такая критика сослужила большую службу признанию естественных ограничений человеческого познания мира. Методологи анализировали тексты, исследовали деятельность, проектировали решения. Но собственный способ такого анализа не стал предметом их озадаченности и не исследовался – предмет методологии так и не был определён ясно. А не определившись с собственным предметом, методология скоро выродилась в «методический анализ» исследовательских приёмов, «анализ методик» исследования, и так, по-видимому, она воспринимается сегодня большинством. И хотя любая образовательная программа вуза включает в себя обязательный курс «Методологические проблемы Х», содержание такого курса обычно сводится к констатации противоречий, накопленных той наукой, за изучение которой берутся студенты.

Методология, однако, по определению, учение о методе. Метод, конечно, стоит понимать шире, нежели методика, ибо метод лежит в основании любой методики, любой исследовательской практики. Не случайно в диссертациях на соискание учёных степеней «методологическому основанию» исследования посвящён обязательный раздел. В этом разделе соискатели скрупулёзно перечисляют теории науки, в рамках которых проводили собственное исследование, и поминают авторов этих теорий. Но ведь даже самые стройные и строгие теории сами должны иметь основания. Уже потому хотя бы, что теории создавались людьми, которые вот так думали. Итак, продвигаясь к основаниям оснований, мы неизбежно упираемся в нечто, что лежит в основе всех оснований. И нам не уклониться от этого вопроса, потому что, не определившись в нём, мы обречены на сомнения в надёжности всего, что на этом основании выстроено, каким бы «основательным» нам ни казалось само строение. Но что лежит в основании оснований?

Совсем недалеко ещё время, когда этот «проклятый» вопрос снимался простым и твёрдым заклинанием – «марксистско-ленинская методология». Сейчас, конечно, нелегко воспроизвести в полном объёме всё то, что заключало в себе такое признание. Но, если коротко, это означало, что мир объективен, то есть существует вне нас и независимо от нас. Что человек обладает таким утончённым свойством – познанием. Что мир, следовательно, познаваем человеком. Что процесс познания мира человеком, пусть и труден и тернист, неминуемо ведёт его к истине (к тому, что есть на «самом деле»). Что, хоть истина и недостижима в своей полноте, само приближение к ней открывает для человека возможность изменять мир, познавая законы, по которым он устроен. А преобразование мира под человеческие нужды и есть цель познания. Так утверждал К. Маркс. А В.И. Ленин уточнил этот тезис: «От простого созерцания к абстрактному мышлению и от него к практике – вот истинный путь познания». Эти постулаты стали на долгое время непререкаемым основанием любых научных изысканий в нашем отечестве, потому что это и есть «марксистско-ленинская методология», а другой быть не могло, далее действовал уже разработанный позже принцип «классового подхода» в науке. Сейчас эти «прописные истины» могут показаться наивными, но, смею заверить, именно они лежали в основе основ любого исследования. Более того, они были опорами формирования умов, и по сей день эти истины имплицитно содержатся в подавляющем большинстве наших умопостроений. Но да, это была, хоть и своеобразная, методология. Потому что такая система представлений, «форпостов веры», задавала аксиомы познания и отвечала на основные вопросы человеческой деятельности: что (познаём), зачем и как? Справедливости ради следует заметить, что другого ответа на вопрос «как» тогда и не могло быть. Человек объявлялся самым совершенным, идеальным прибором для «отражения» окружающего его мира, и мощь «отражательных» способностей его сознания не подлежала критике. И марксистско-ленинская психология, преданный отпрыск одноименной методологии, – обратившись к психике, как к «высшей форме отражения», возвела на должный пьедестал «ленинскую теорию отражения», сосредоточив собственные усилия лишь на том, чтобы придать этому постулату научное оформле-

ние. Механизм самого отражения в этой стройной системе постулатов всё же оставался слабым звеном всей конструкции «психических» свойств и состояний человека. Но, постулируя «отражение» как принцип, психологи до поры до времени элегантно обходили этот вопрос. Иначе быть не могло. Да и слишком мало знали тогда исследователи о мозге человека, том самом органе, которому отводились функции отражения. Философы спорили об отношениях сознания и действительности, игнорируя этого небольшого, но важного посредника, психологи разрабатывали теорию психики, не озадачиваясь особо вопросами об устройстве её «процессора». Ситуация изменилась четверть века назад, когда, благодаря развитию техники, стало возможным углубиться в изучение не только структур головного мозга, но воочию наблюдать его функции, те самые процессы «отражения», суть которых была сокрыта и для философов, и для психологов, ту самую «нейродинамику», которая непрерывно сопровождает поведение человека во всех его проявлениях. И открытия, сделанные в области нейрофизиологии, внесли недостающие доселе основания в представления о поведении, сформулированные ещё великими предтечами нейрофизиологии: И.М. Сеченовым, И.П. Павловым, А.А. Ухтомским, П.К. Анохиным.

Главное, что достижения современной нейрофизиологии сместили акценты в традиционной постановке проблемы «человек и мир» с вопроса о том, «что» познаёт человек, к вопросу о том, «как» он это делает? А ответ на вопрос «как» – это ведь основной вопрос методологии. Что можно говорить о мире, если мы не знаем, как мы взаимодействуем с этим миром? Как можно говорить об отражении, не имея представления ни об отражающем, ни об отражаемом? Благодаря наукам о мозге, методология обретает свой исконный предмет, и предметом этим становится мышление. Но что мы должны полагать в качестве мышления? Какова его материя? Какие процессы определяют движение мысли? Где лежат критерии его эффективности? Где кроются ошибки мышления?

Именно эти вопросы стали предметом деятельности для Высшей школы методологии, и научное разрешение их – её целью. Здесь важно увидеть иллюзию простоты предмета, уж столько всего сказано и написано про мышление! Но сложность как раз и состоит в том, что мышление «прозрачно» для самого мыслящего. А именно его нужно сделать «видимым» и различимым. Необходимо к тому же исследовать все детали этого процесса, весь его «производственный» цикл, понять, что является его материалом, каким образом этот материал преобразуется и что получается в результате таких преобразований. А для этого необходимо проанализировать сложившиеся в истории подходы к исследованию мышления, понять их возможности и ограничения. Необходимо систематизировать непрерывно растущий объём нейрофизиологических фактов. Всё увиденное и распознанное предстоит назвать, связать в целостную модель, систему представлений, проверить на практике. И это – первоочередные задачи Высшей школы методологии.

Подобной школы не было в обозримой истории ни у нас в стране, ни за рубежом. Высшая школа методологии – это сообщество людей, которых объединяет интерес к сложному. А что может быть сложнее для человека познающего, чем сам человек? Но школа – это ещё и место, где можно учиться. Важно не только сформулировать эффективные модели человеческого мышления, не менее важно понять, как обучаться способам мышления. Важно, чтобы интерес к сложному не оставался лишь интеллектуальным «хобби», задача здесь – не только сохранять этот интерес в нашем «плоском мире», но заразить им как можно больше других людей, потому что только эффективное мышление – неперемное условие эффективной деятельности, каких бы вещей она ни касалась. И врач, и учитель, и инженер, и менеджер, и ребёнок и взрослый, и мужчина и женщина – все мы непрерывно заняты решением «интеллектуальных» задач, и от «правильности» решения этих задач зависит качество жизни нас самих и окружающих нас людей, в конце концов, эффективность любой нашей деятельности. И для этого нам просто необходимо научиться думать.

Вот такие задачи ставит перед собой Высшая школа методологии.

Предлагаемый текст основателя и президента Высшей школы методологии – А.В. Курпатова, хоть и содержит подзаголовок – «Черновик», являет собой манифест новой науки – методологии мышления. Каждый тезис этого текста, если вдумываться, представляет собой большое самостоятельное направление научных изысканий и учебной деятельности ВШМ.

Я глубоко убеждён, что у этой новой науки большое будущее. Более того, я уверен, что пройдёт не так много времени, и методология мышления воцарится в качестве «методологического основания» любых фундаментальных и прикладных исследований, придав им, наконец, и необходимую научную новизну, и так трудно отыскиваемую ныне «практическую значимость».

доктор медицинских наук, профессор *Алёхин Анатолий Николаевич*

Предварительные замечания

Пожалуй, лучшее, что мы можем – это мыслить мышление. Лучшее – хотя бы потому, что ничего другого мы помыслить просто не можем, а все, что мы мыслим, уже и всегда – есть наше мышление.

С другой стороны, говорить о мышлении невозможно, потому что мы сами и есть это мышление. Это все равно, что пытаться описать самого себя, глядясь в зеркало. Из этого может выйти неплохое описание нашего изображения в зеркале, но самих себя мы таким образом, конечно, описать не можем. То есть этот текст заведомо обречен на неудачу, что я хорошо понимал, еще только приступая к его написанию.

Как следствие, и я должен предупредить об этом заранее, текст содержит массу противоречий, которые я, хотя бы при первом прочтении, предложил бы просто игнорировать. Уверен, что практически все эти противоречия «контекстуальны» (кроме тех, на которые я специально указываю), то есть не являются противоречиями по существу, а вызваны лишь конфликтом не сходящихся языковых контекстов, и смена языковой рамки легко такую «противоречивость» устраняет.

Для того чтобы не потерять главного, застревая на этих «противоречиях», попытайтесь понять не то, что я говорю (пишу), но то, как я предлагаю мыслить. В любом случае моему читателю придется осуществить сознательный выбор – или пытаться достигнуть цели и понять рассматриваемый «способ думать», или бесконечно путаться в словах и придирааться к терминам.

Поскольку речь идет о принципиально новом подходе к знанию, мне потребовалось ввести целый ряд новых понятий, которые истолковываются по ходу текста и вряд ли могут быть поняты в отрыве от него. Впрочем, я совершенно на них не настаиваю и буду только рад, если в процессе обсуждения с коллегами и последующего переписывания этого «Черновика» (а называться этому тексту собственно «методологией мышления» еще, мягко говоря, рано) они поместятся и приобретут большую функциональность.

Так или иначе, мы не можем подобраться к мышлению через речь – я в этом почти уверен. Невозможно изложить «способ думать», пытаясь создать какой-то ограниченный набор пропозиций.

Подобный эксперимент, впрочем, я уже ставил в «Психософическом трактате», и хотя в целом там эта задача решена, я не слишком рассчитываю превратить его текст из некой «вещи в себе» в полноценное руководство к мыслительному действию. В «Черновике» я пошел другим путем – скорее рисования, нежели рассказывания. В результате он пестрит выражениями «как бы», «условно говоря», «образно говоря», «давайте представим» и т. д., которые следует понимать буквально.

В тексте я иду от простого к сложному, постепенно насыщая и усложняя значения используемых мною понятий, конструируя и надстраивая их как бы внутри их самих. Возможно, впрочем, временами будет возникать ощущение, что я возвращаюсь к тому же самому, но это не совсем так. Хотя речь действительно все время идет об одном и том же – об отношениях реальности и мышления, – но осуществляется эта речь на разных, как я смею надеяться, уровнях понимания.

На самом деле данный текст призван сообщить об очень простых вещах, по существу – об азах мышления. Но, к сожалению, именно это и представляется главной проблемой, поскольку мало чем отличается от безрассудной попытки заглянуть под капот несущейся по автобану машины.

Существенной трудностью данной работы является тот факт, что она написана, исходя из ряда предположений, сделанных на основе имеющихся у меня знаний о работе психического

аппарата. Однако все эти предположения – сами по себе – нуждаются в более детальной проработке, особенно в свете новейших нейрофизиологических открытий. Впрочем, с другой стороны, и сами эти «предположения», как мне представляется, вполне могли бы стать неплохой программой для нейрофизиологических исследований.

В данном тексте я не изобретаю новый способ мышления, а лишь пытаюсь реконструировать тот, который сформирован мною – относительно эмпирически – в непосредственной практике решения тех или иных интеллектуальных задач, а потому и представляется мне вполне эффективным. Так что текст «Черновика» не предполагает «выведение теории с нуля», а скорее концептуализацию того способа, который уже мною опробован и лишь нуждался в своей формализации.

Надеюсь, впрочем, что хотя бы на роль закладного камня этот текст подойдет. Само же здание методологии мышления еще только предстоит строить.

* * *

Мне хочется посвятить эту книгу моим друзьям и коллегам, которые на протяжении всего того времени, пока я работал над формированием соответствующего способа думать, – каждый по своему – не дали мне почувствовать себя одиноким и сумасшедшим, что в целом учитывая специфику самого этого способа думать, было, казалось бы, почти неизбежным.

С сердечной признательностью Анатолию Николаевичу Алехину, Геннадию Геннадиевичу Аверьянову и Илье Эдуардовичу Егорычеву. Спасибо!

Вводные соображения

До недавнего времени наука о мышлении страдала парадоксальной раздвоенностью: сознание изучалось принципиально отдельно от органа, который его производит, – от психики и, соответственно, от органа, который производит саму эту психику, – от мозга. По причинам, которым сейчас уже трудно найти какое-либо разумное объяснение, философия и психология поделили между собой то, что не может быть разделено в принципе – психическое и его содержание. И обе, надо сказать, демонстративно проигнорировали мозг как таковой. С равным успехом можно было бы, наверное, изучать, например, климат отдельно от температуры и вообще вычестить из этого анализа саму планету Земля.

Как бы там ни было, но к концу XIX века «психическое» окончательно отошло к ново-явленной психологии, а «содержание психического» (собственно «сознание», «мышление» и прочие «умствования») осталось в ведении философии. Граница эта, впрочем, нигде не была обозначена явно, а тем более как-то задокументирована, но это ничуть не ослабило силу возникшего противостояния в приграничной полосе. Философы [Г. Фреге, Э. Гуссерль, К. Поппер] активно боролись с «психологизмом» (причем каждый понимал под этим термином что-то свое). Психологи, со своей стороны, лишь подливали масла в огонь. Например, подвергли сомнению саму возможность «философии» – чего стоит, если вдуматься, хотя бы концепция скиннеровского «черного ящика»?

Сохранить нередуцируемую к психике «метафизику» стало для философии делом принципа (экзистенциализм, феноменология, эпистемология, философская антропология и т. д.). Неслучайно, даже великие психологи [У. Джеймс, К. Ясперс, С.Л. Рубинштейн] намеренно разделяли свои работы на философские и психологические – и не дай бог нарушить этот хрупкий мир и зыбкий баланс! Философы, в свою очередь, умудрялись писать о восприятии, чувствах, влечениях, памяти, языке, сознании и прочих психических процессах, совершенно не смущаясь того факта, что никаких научных подтверждений этим их умозрительным выкладкам не существует в природе.

«Истина» и «психика»

Впрочем, подлинная проблема обнаруживается куда глубже. Причем значительно. Да, разделение «психики» и ее «содержания», казалось бы, налицо, но на этот очевидный факт никто и никогда не указывал прямо и в достаточной мере ответственно. Вместо этого и философия, и психология декларировали некие абстрактные, условно-гипотетические предметы своего исследования: философы, вроде как, занимались поисками «истины», а психологи – «психикой». При этом ни один философ не назовет вам критерии «истины» и ни один психолог не скажет, где начинаются и заканчиваются границы «психики». По крайней мере, вопрос о том, где локализуется «культурно-историческое» содержание [Л.С. Выготский] – в конкретной психике или в абстрактном обществе – неизбежно поставит любого психолога в тупик.

Рано или поздно эти умозрительные фикции – «истина» и «психика» – должны были покинуть поле боя. Что и произошло на исходе XX века: метафизическая «истина» была с позором выдворена из континентальной философии [Ж. Лакан, М. Фуко, Ж. Деррида, Ж. Бодрийяр], а в американском философском дискурсе (аналитико-прагматическом) она превратилась в пустую логическую абстракцию [Р. Карнап, У.В.О. Куайн, С. Крипке, Дж. Р. Сёрль]. Многострадальная «психика», в свою очередь, силами различных «психоанализов», гештальт-психологии, бихевиоризма, когнитивной психологии, психологии психических процессов, социальной психологии и т. д., и т. п., – пережила взрывную, не предполагающую возможности последующего восстановления дефрагментацию.

Трудно представить себе науку, которая была бы настолько неспособна определить предмет собственного исследования... К этому остается добавить, что и практическая полезность данных исследований – как в случае философии, так и в случае психологии – драматично стремится к нулю: по крайней мере, в рамках той «области», о которой мы ведем речь, эти знания нигде толком не востребованы, а потому и не соотнесены с реальностью, тем более – не опосредованы ею. Именно в этой патологической искусственности обеих дисциплин, как мне представляется, фундаментальная причина тех многочисленных «кризисов», которые попеременно диагностируются философами в философии и психологами в психологии.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.